

УДК 821.161.1/.111:82.091

«МЕЛОЧИ АРХИЕРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ» Н. С. ЛЕСКОВА В КОНТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОЙ ПРОЗЫ О ЖИЗНИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ (ДЖ. ЭЛИОТ И Э. ТРОЛЛОП)¹

Ирина Федоровна Гнюсова

к.ф.н., доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела
и редактирования

Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Томск, пр. Ленина, 36. irbor2004@mail.ru

В статье предпринимается попытка доказать, что при создании произведений о жизни священнослужителей Н. С. Лесков опирается на традиции современной ему английской литературы – в частности, «клерикальные» циклы Дж. Элиот и Э. Тrolлопа. В своих «Мелочах архиерейской жизни» Лесков соединяет сатирико-психологическую традицию «Барсетширских хроник» Тrolлопа с психолого-драматической традицией «Сцен из клерикальной жизни» Джордж Элиот. Используя поэтический инструментарий английских писателей, Лесков дает предельно неритуальное, обыденное изображение своих героев, искусно сочетая тонкую сатиру с глубоким сочувствием к священникам и с подлинным драматизмом в рассказе об их быте и общественном положении. Обнажая самые неприглядные стороны «клировой жизни», Лесков стремится вернуть священнослужителям уважение, почет и понимание со стороны прихожан, наладить свободный диалог между духовенством и обществом.

Ключевые слова: Н. С. Лесков; Дж. Элиот; Э. Тrolлоп; традиция; священнослужитель; образ; очерк; тип повествования.

Н. С. Лесков – первый и едва ли не единственный русский классик, уделивший значительное место в своем творчестве изображению жизни и духовного облика православного священника. Образы церковнослужителей появляются в большинстве его произведений, а в «романической хронике» «Соборяне» (1872) и цикле очерков «Мелочи архиерейской жизни» (1878) фигура «русского попа» оказывается в центре писательского внимания.

Лесковский принцип изображения священнослужителей во многом оказался противостоящим укоренившейся в русской литературе традиции «презрительных взглядов и отношений “культурных” людей... к бедному сельскому духовенству» [Лесков 1956–1958, 6: 410]². «Благодаря орловской Монастырской слободке, – пишет Лесков в «Мелочах архиерейской жизни», – я знал, что среди страдающего и приниженного духовенства русской церкви не все одни “грошевики, алтынники и блинохваты”, каких выводили многие повествователи, и я дерзнул написать “Соборян”» (6, 410).

То, что традиция саркастического изображения духовенства действительно существовала среди русской интеллигенции, наиболее ярко подтверждает знаменитое письмо В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю 1847 г., являющееся ответом на «Выбранные места из переписки с друзьями». Письмо это было опубликовано А. И. Герценом в альманахе «Полярная звезда» в 1855 г., а кроме того, было читаемо в России в рукописном виде и, несомненно, известно Лескову³. «...Неужели же и в самом деле Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? – восклицает в нем Белинский. – Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: *дурья порода, колуханы, жеребцы?* – Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства?» [Белинский 1952: 503–504].

Мнение критика подтверждает фронтальный анализ русских народных сказок, изобилующих сюжетами, в которых высмеиваются представи-

тели духовенства («Дьякон-пьяница», «Поп-завирало», «Брюхатый поп», «Жадный поп», «Как поп украл корову» и др. (см.: [Сказки 1989])). Не менее репрезентативный результат дает и исследование русской литературы XIX в., в которой образ священнослужителя в лучшем случае является эпизодическим, «прикладным». Это статичный персонаж, призываемый засвидетельствовать ключевые события в жизни главных героев романов и повестей той эпохи – дворян, мещан и крестьян. А. Н. Розов видит за этим причины историко-культурологического порядка: «Еще с петровских времен, когда государство подчинило себе Церковь, в светском обществе, приобщившемся к западной культуре, стало утверждаться безверие и негативное отношение к православному духовенству» [Розов 2003: 260]. Усугубляло ситуацию и то, что духовенство всегда было в России обособленным классом – ни один священнослужитель не мог полноценно интегрироваться в народную или светскую жизнь, оставаясь чужим как в крестьянской, так и в дворянской среде.

Однако к началу XIX в. в русской культуре наметилась и другая тенденция – к «возрождению духовного начала», о чем пишет в своих статьях Д. С. Лихачев. Оно началось, по мнению ученого, «как и раньше, с Афона и некоторых монастырей на Балканах. Первым и явным успехом было зарождение в России недалеко от Калуги Оптиной пустыни, возродившей некоторые черты нестяжательства заволжских старцев. Второй победой была нравственная, духовная жизнь Саровской пустыни, давшей в первой половине XIX в. русской духовной жизни святого Серафима Саровского» [Лихачев].

Духовная жизнь монашествующих и сам феномен святости – вот то, что определяло иное отношение к церковнослужителям в России того времени. Историк и философ Г. П. Федотов так писал о русских святых: «Их идеал веками питал народную жизнь; у их огня вся Русь зажигала свои лампадки. Если мы не обманываемся в убеждении, что вся культура народа, в последнем счете, определяется его религией, то в русской святости найдем ключ, объясняющий многое...» [Федотов 1991].

Не принимая революционно-демократических взглядов на Церковь и духовенство, во многом опиравшихся на мнение В. Г. Белинского⁴, Лесков нашел опору именно в этой, второй точке зрения на русскую Церковь. Как пишет А. А. Новикова, «начало творческого пути художника было связано с безусловной надеждой на утверждение христианского идеала в православной церковной среде, с которой Лесков был

связан семейно, наследственно и которую знал столь совершенно, что ему не было равных среди русских литераторов» [Новикова 2003: 409]. При этом Лесков ориентировался на народную традицию почитания святых, которые появляются в его произведениях в многочисленных образах «праведников». Идеал «праведничества» писатель ищет и в клерикальной среде. По мнению А. А. Новиковой, «Лескову желалось, чтобы обновление в духе Христовой истины пришло через “попов великих” (10, 329) – идеальных служителей Церкви, подобных отцу Савелию Туберозову в хронике “Соборяне”» [там же].

Двигаясь к этой цели, Лесков явился новатором дважды. С одной стороны, он первым сделал священника ключевым образом большого эпического полотна. С другой – и это было принципиально важным моментом – он первым изобразил представителя духовного сословия как *человека*, причем человека мыслящего, чувствующего и страдающего. В «Соборянах» писатель обнажает духовное одиночество священнослужителя, показывает его чуждость своей пастве как чудовищную национальную проблему, следствием которой становится усиливающееся безверие и нравственный нигилизм общества.

Из черновых вариантов романа-хроники Лескова, опубликованных под заголовками «Чающие движения воды» (1867) и «Божедомы» (1868), в окончательный текст почти в неизменном виде переходит программное заявление писателя, выраженное в страстной дневниковой записи протопопа Савелия: «Любопытен я весьма, что делаешь ты, сочинитель басен, баллад, повестей и романов, не усматривая в жизни, тебя окружающей, нитей, достойных вплетения в занимательную для чтения баснь твою? Или тебе, исправитель нравов человеческих, и вправду нет никакого дела до той действительной жизни, которою живут люди?.. Ведомо ли тебе, какую жизнь ведет русский поп, сей „ненужный человек“... Известно ли тебе, что мизерная жизнь сего попа не скудна, но весьма обильна бедствиями и приключениями, или не думаешь ли ты, что его кутейному сердцу недоступны благородные страсти и что оно не ощущает страданий? Или же ты с своей авторской высоты вовсе и не хочешь удостоить меня, попа, своим вниманием?» [Лесков 2012, 11: 52–53].

В поисках способов художественного воплощения своей концепции Лесков нашел «единомышленников» в английской литературе, где к концу 1850-х гг. сформировалась традиция «человеческого» изображения священнослужителей. В 1855 г. Энтони Троллоп публикует первый роман из цикла «Барсетширские хроники» –

«Смотритель», принесший ему известность. Цикл посвящен жизни представителей духовенства кафедрального города Барчестера и включает шесть романов, последний из которых был опубликован в Англии в 1867 г. Троллоп является также автором отдельных романов о жизни священнослужителей – например, «Булгамптонский викарий» (1870, в том же году опубликован русский перевод).

В 1857 г. в английской периодике появляется и первый художественный опыт Джордж Элиот – цикл повестей «Сцены из клерикальной жизни». В России повести были по отдельности опубликованы в 1860 г. Дж. Г. Льюис, литературный критик и гражданский муж Элиот, в письме к издателю так комментирует ее выбор темы для литературного дебюта: сборник «будет состоять из повестей и очерков, иллюстрирующих реальную жизнь нашего духовенства четверть века назад, но исключительно в ее человеческом, а не догматическом аспекте, – предмет, которого доселе не было в нашей литературе, потому что мы в избытке имели религиозные повести, полемические и доктринальные, но после “Викария” и Мисс Остен у нас не было произведений, в которых духовенство изображалось бы как любой другой класс, с причудами, огорчениями и бедами, как у всех прочих людей» (цит. по: [The George Eliot letters 1954: 269]).

Очевидно, что пафос этого письма напрямую соотносится с вопросом Лескова к своим современникам, заданным со страниц «Соборян». Тонкой перекличкой двух текстов является и упоминание романа О. Голдсмита «Векфильдский священник» (1766) («Викарий» в письме Льюиса). Прозрачная аллюзия на этот роман содержится и в записи Савелия Туберозова о том, что жизнь попа «весьма обильна бедствиями и приключениями», ему не чужды «благородные страсти» и «страдания»⁵.

О том, в какой степени Лесков был знаком с творчеством своих английских коллег по писательскому цеху, судить сложно. Однако упоминания имен Троллопа и Элиот в его произведениях, статьях и письмах позволяют с уверенностью говорить о самом факте этого знакомства. Так, в поздней редакции очерка «Шерамур» 1889 г. предметом разговора рассказчика с главным героем становится роман Троллопа «Попэнджой ли он?» (см.: (6, 286)), опубликованный в русском переводе в 1878 г.

О Джордж Элиот Лесков упоминает дважды. В статье «Русские общественные заметки» 1869 г. он доказывает мысль о том, что «наша литература не беднее, а, может быть, богаче некоторых других литератур», приводя следующие приме-

ры: «Если у англичан есть Диккенс, обширные дарования которого нам трудно подсортировать с дарованиями наших писателей, то это и будет один Диккенс, да и то не Бог весть насколько он выше тех, кого имеет на челе своем наша литература. А что касается до других, то все эти Кавана, Коллинз и Элиот и другие, по справедливости говоря, не внушают нам никакой зависти» [Лесков 2004, 8: 222]. Тем не менее в 1893 г. в письме к М. О. Меньшикову Лесков рекомендует публицисту поработать над одним из его образов, обратившись к творчеству английской писательницы: «...“Девственные” природы тоже не таковы. Надо бы брать св. Цецилию, или Дж. Элиот...» (11, 556).

Следует добавить, что произведения Троллопа и Джордж Элиот активно переводились на русский язык и публиковались в 1860–70-х гг., в том числе в ведущих журналах того времени – «Современнике», «Отечественных записках», «Русском вестнике», «Библиотеке для чтения». Лесков, активно занимаясь публицистической работой, вряд ли мог быть незнаком с их содержанием. Знание «Сцен из клерикальной жизни» Элиот может быть, например, косвенно подтверждено тем, что в своей статье «Русские женщины и эмансипация» (см.: [Лесков 1996, 1: 331–332]) Лесков ссылается на статью Джона Стюарта Милля «Об эмансипации женщин», опубликованную в «Современнике» в 1860 г., – приложением к выпускам этого года как раз печаталась повесть «Исповедь Джэнет» из цикла Элиот. Комментатор восьмого тома Полного собрания сочинений Лескова С. А. Ипатов, кроме того, предполагает, что Лескову мог быть известен перевод романа Элиот «Феликс Холт, радикал», опубликованный в России в 1867 г. (см.: [Лесков 2004, 8: 682])

Доказательством активного использования Лесковым английского литературного контекста при изображении жизни духовенства может также служить и его особое отношение к Англии и английской культуре. Явное «англофильство» писателя выразилось, по мнению И. Н. Минеевой, в создании в его творчестве «положительного образа Англии и англичан через освоение английской богословской, исторической, философской, художественной литературы» [Минеева 2014: 74], занимавшей исключительное место и в личной библиотеке Лескова. Писатель, по утверждению исследователя, особо ценил в трудах англичан «близкую ему широту и непрямолнейность взгляда на мир», обнаруживая в них «созвучные ему размышления об аксиологических, антропологических, онтологических проблемах» [там же].

Надо отметить, что проблема английских традиций в творчестве Лескова только начинает привлекать внимание исследователей. В 2013 г. была защищена диссертация М. А. Першиной (см.: [Першина 2013]), в которой предпринята попытка обзора интертекстуальных связей произведений Лескова с сочинениями английских писателей с акцентом на творчество Шекспира и Диккенса. Английская литература рассматривается автором «как прецедентный текст, участвующий в формировании содержания произведений и в некоторой степени определяющий их поэтику» [Першина 2013: 5]. В этом же году было представлено диссертационное исследование И. В. Овчинниковой «Стернианские “отражения” и их функция в романе-хронике Н. С. Лескова “Соборяне”», в котором автор доказывает, что «художественная рефлексия на стернианскую повествовательную технику в романе-хронике Лескова служит стимулом для создания самобытной эстетической системы» [Овчинникова 2013: 5] русского писателя. Традиции Стерна в творчестве Лескова анализирует в своей статье и Е. А. Макарова (см.: [Макарова 2006]).

Имя Джордж Элиот в этих исследованиях не упоминается, имя Троллопа называется лишь при перечислении английских писателей, на которых в разное время ссылается Лесков. Отдельное внимание автору «Барсетширских хроник» уделено только в статье В. А. Бячковой 2013 г., где дается сравнительно-типологический анализ образов «Соборян» и романа «Барчестерские башни» Э. Троллопа (см.: [Бячкова 2013]). Однако исследователь не ставит здесь вопроса о возможном использовании Лесковым английской литературной традиции изображения духовенства.

Нам представляется возможным поставить этот вопрос на материале, не менее репрезентативном, чем роман-хроника «Соборяне», – а именно более позднем «клерикальном» цикле очерков Лескова «Мелочи архиерейской жизни» (1887). Немногочисленные исследователи (см.: [Азбукин 1962; Аннинский 1993; Лукьянчикова 2004; Малиночка 2008; Новикова 2003]), обращавшиеся к анализу «Мелочей...», единодушно заявляют, что в этом цикле «реализовано остро-критическое отношение писателя к современному ему состоянию официальной церкви» [Лукьянчикова 2004: 61] и автором здесь движет исключительно «желание снизить, обесмыслить, развенчать образы представителей русского духовенства» [там же: 60]. Однако введение цикла Лескова в английский литературный контекст позволяет по-другому взглянуть как на поэтику, так и на авторский пафос «Мелочей...». С этой

точки зрения русский писатель представляет жизнь священнослужителей в полном соответствии с традицией английского реалистического романа второй половины XIX в., который сочетает в себе тонкую сатиру с психологическим проникновением в суть человеческих поступков. А главное – как и в романах Элиот и Троллопа представители духовенства в «Мелочах...» оказываются глубоко интегрированы в жизнь социума и показаны исключительно с неритуальной, обыденной, бытовой точки зрения – как обычные люди со своими слабостями, достоинствами и недостатками.

Показательно в этом смысле начало одной из первых глав романа Э. Троллопа «Барчестерские башни» (1857), где автор с изрядной долей юмора обходит описание ритуальной стороны назначения нового епископа, а заодно иронизирует над самим этим ритуалом:

«Наша история начинается сразу же после возведения доктора Прауди в сан епископа. Церемонию эту я описывать не буду, так как не имею о ней ясного представления. Я не знаю, носят ли епископа на стуле, как члена парламента, или возят в золоченой карете, как лорд-мэра, приносит ли он присягу, как мировой судья, или проходит между двумя собратями, как рыцарь ордена Подвязки; но одно я знаю твердо – все было сделано по всем правилам, и ничто, причитающееся новоиспеченному епископу, опущено не было.

Доктор Прауди не допустил бы этого. Он хорошо понимал всю важность ритуалов и знал, что уважение к высокому сану поддерживается приличествующей ему внешней помпой» [Троллоп 2010: 18–19]⁶.

Вслед за этим Троллоп стремительно движется от «внешней помпы», окружающей нового епископа, к его внутренним характеристикам, полностью низвергая фигуру доктора Прауди с пьедестала: сначала он сообщает, что герой «прослыл священником, который далеко пойдёт» (19), и «духовной особой весьма широких взглядов» (20), затем – что он не «обладает большим умом или хотя бы деловыми талантами» (20), и, наконец, что «епископ у жены под башмаком» (22), и именно она по-настоящему будет править епархией. В дальнейшем епископ Барчестерский изображается исключительно в бытовой или светской обстановке – никаких религиозных церемоний Троллоп не описывает.

Лесков в первой главе «Мелочей» пользуется схожим приемом: он дает изображение первого из героев, архиерея Смарагда, как бы «извне», глазами жителей провинциального города, а затем иронически выражает сомнение в истинно-

сти его репутации и берется за исследование характера владыки:

«В кружках орловского общества, которое не любило ни князя Трубецкого, ни епископа Смарагда, последний все-таки пользовался лучшим вниманием. В нем ценили по крайней мере его ум и его «неуемность». О нем говорили:

– Сорванец и молодец – ни Бога не боится, ни людей не стыдится.

Такие люди в русском обществе приобретают авторитет, законности которого я и не намерен оспаривать, но я имею основание думать, что покойный орловский дерзкий епископ едва ли на самом деле “ни Бога не боялся, ни людей не стыдился”.

Конечно, если смотреть на этого владыку с общей точки зрения, то, пожалуй, за ним как будто можно признать такой авторитет; но если заглянуть на него со стороны некоторых мелочей, весьма часто ускользающих от общего внимания, то выйдет, что и Смарагд не был чужд способности стыдиться людей, а может быть, даже и бояться Бога» (6, 401–402).

Можно отметить и некоторое сходство в самом типе повествования: при всем различии жанровой природы романа и очеркового цикла произведения Тrolлопа и Лескова одинаково отличает манера излагать события от первого лица, вести доверительный разговор с читателем, регулярно вводя в текст собственные рассуждения и оперируя риторическими приемами. Тrolлоп регулярно указывает, что читателю «не следует думать» или «не следует делать вывод» о чем-либо, Лесков «просит внимания» и «не намерен оспаривать» установившиеся мнения. Фигура повествователя в обоих произведениях играет ключевую роль: именно этот наблюдатель и рассказчик становится носителем оценок, формирует угол зрения на героев и происходящие с ними события.

Тонкое знание и использование английской литературной традиции выражается и в том, что Лесков вслед за Тrolлопом активно пользуется приемами иронического и сатирического изображения своих героев. Епископы под пером обоих авторов приобретают черты почти басенных персонажей: неслучайно первым же «анекдотом» из жизни высшего духовенства становится у Лескова история о вражде архиерея Смарагда и губернатора Трубецкого, описанная с использованием прямых аллегорий: «Князь Трубецкой постоянно называл Смарагда не иначе, как “козлом”, а Смарагд в отместку величал князя “петухом”» (6, 400). Впоследствии «чучела» козла и петуха, изображающие «битву» владыки с гу-

бернатором, появляются на окне одного из предприимчивых горожан.

Подобные аллегии присутствуют в романе Тrolлопа, причем здесь епископ предстает одновременно и «петухом», и «агнцем». Автор сообщает, что миссис Прауди «пасет своего супруга и повелителя жезлом железным» (22), а впоследствии, описывая попытку епископа настоять на своем, замечает: «...в подобных случаях между мужем и женой все решается точно так же, как между двумя мальчишками в одной школе, двумя петухами в одном курятнике, двумя армиями на одном континенте» (140).

И Лесков, и Тrolлоп раскрывают характеры своих героев-священников исключительно «в миру», в соприкосновении с жизнью людей, не принадлежащих к клиру. В английском обществе, изображаемом в «Барсетширских хрониках», такая «интеграция» выглядит вполне естественно в силу светского положения священнослужителей. Именно поэтому Тrolлопу не составляет труда привести своих духовных лиц на светский прием или аристократический сельский праздник. Однако и Лесков, несмотря на «особенные условия оригинальной исключительности положения русского архиерея» (6, 398–399), описывает жизнь и характер владык при их встречах с врачами, представителями дворянства – в том числе светскими дамами, студентами, офицерами и иностранными гражданами. Он как бы пытается с разных сторон подступиться к самой закрытой части русского общества – высшему духовенству, чтобы выяснить, что за человек скрывается за максимально ритуализованной жизнью архиерея.

И открытия Лескова не радостны: вслед за Некрасовым, разуверившим читателей в том, что сельским попам «живется весело, вольготно на Руси», он показывает, что и владыки страдают от своего вынужденного «отчуждения от мира» (6, 447), не имея порой простых человеческих радостей. В седьмой главе «Мелочей...» Лесков рассказывает максимально обытовленную историю преосвященного Порфирия, много лет страдающего от вздутия живота вследствие невозможности выходить за пределы своего двора. Словами образованного, нетривиально мыслящего архиерея-писателя Лесков негодует на утвержденные официальной Церковью порядки, при которых епископ «лишен свободы» в силу своего высокого сана, – а заодно вновь указывает на неизбежные последствия этой отчужденности для общества. «А наше начальство, увидав, ...отчего род преподобных наиболее страждет и умалывается, может быть, смилостивилось бы и позволило бы нам ходить пешком по улице, – сетует владыка

Порфирий. – И, может быть, тогда и люди-то к нам больше привыкать бы стали, и начались бы другие отношения – не чета нынешним, оканчивающимся раздаянием благословений. Право, так! Я или другой архиерей, ходя меж людьми, может быть кого-нибудь чему-нибудь доброму бы научили, и воздержали бы, и посоветовали. А то что в нас кому за польза!» (6, 445).

Этот эпизод наглядно показывает, что целью Лескова действительно было не одно лишь сатирическое изображение жизни духовенства, как полагают исследователи. Писатель проявляет неподдельное *сочувствие* к священнику как человеку, и его упорное желание увидеть, что скрывается за высоким саном и внешним благолепием, обусловлено вовсе не стремлением развенчать и высмеять слабости церковнослужителей. Неслучайно за рассказами о грубых, вспыльчивых и суровых архиереях следуют описания владык тихих, добрых и простых, внимательных к ближним и любимых в епархии – о каких, по словам Лескова, «нечего рассказывать в апологиях, а достаточно вспомнить ненастным вечером, у домашнего очага, где тело согревается огоньком, а душа тихую беседу *о добром человеке*» (6, 465) (курсив Лескова. – И.Г.).

В «Барсетширских хрониках» Троллоп также сочувствует своим персонажам, призывая читателей не судить строго героя-священнослужителя: «Если мы будем требовать от наших священников нечеловеческой добродетели, мы научимся только презирать их, и вряд ли сделаем их чище духом, отнимая у них право на обыкновенные человеческие надежды» (12). Однако акцент английский писатель делает все-таки на слабостях и пороках каждого из представителей духовенства: доктор Прауди безволен и тщеславен, его капеллан Слоуп двуличен, корыстолюбив и мстителен, доктор Грантли честолюбив, суетен и упрям, мистер Хардинг слаб волен и нерешителен. И даже бедственное положение семьи Куиверфулов является лишь фоном для меткого описания Троллопом характеров самого священника и его жены.

В этом заключается принципиальное отличие «Барсетширских хроник» Троллопа от очерков Лескова. Для английского писателя служители церкви являются, прежде всего, удобным материалом, позволяющим раскрывать характеры и суть человеческих поступков, а также строить на их слабостях и заблуждениях интриги своих романов. «Горести наших героев и героинь – вот что услаждает тебя, о публика! Их горести, их грехи и глупости, а не их добродетели, здравомыслие и последующие награды», – восклицает

Троллоп на одной из последних страниц «Барчестерских башен» (475).

Сочувствие священнослужителю становится доминантой авторского пафоса в «клерикальном» цикле другого английского писателя – Джордж Элиот. В своих «Сценах из клерикальной жизни» (само название может быть сопоставимо с заголовком более позднего цикла очерков Лескова) Элиот показывает судьбы трех священнослужителей, каждая из которых по-своему драматична. Амос Бартон нелюбим в своем приходе, беден, переживает смерть любимой жены. Менард Гильфиль страдает от неразделенной любви и также обрекает себя на одинокую жизнь после смерти возлюбленной. Эдгар Триан умирает в молодые годы от чахотки, отдав жизнь проповедническому труду среди рабочих фабричного города и пережив период неприятия и оскорблений с их стороны. Все трое несут бремя одиночества, непонимания, бедны, искренне отдают себя служению церкви.

Наиболее близкой циклу Лескова по авторскому пафосу оказывается первая повесть Элиот со знаковым названием: «Печальная судьба преподобного Амоса Бартона» («The sad fortunes of the Reverend Amos Barton»). В ней Элиот описывает нелегкую жизнь сельского священника, которому с трудом удается прокормить жену и шестерых детей, при этом он не пользуется любовью и уважением жителей своего прихода. Финал повести печален: жена Бартона Милли умирает после родов, а вслед за этим церковные власти предписывают священнику переехать из деревни, где жители уже прониклись к нему глубоким сочувствием, в фабричный город.

Первая повесть цикла более других носит на себе отпечаток прежней публицистической деятельности Джордж Элиот: как и «Мелочи...» Лескова, ее отличает очерковый стиль повествования, включающий множество авторских рассуждений: «Вы не воображаете, надеюсь, что Амос Бартон был полным обладателем Шеппертонского прихода. Нет, конечно. <...> А теперь не угодно ли вам будет разрешить следующую задачу. Представьте себе человека с женой и шестью детьми, представьте себе, что он обязан для поддержания достоинства своего сана не иначе показываться вне своего дома, как в приличной черной одежде, <...> дайте ему приход, ...настолько бедный, чтобы нуждался в частых духовных утешениях, в виде шиллингов и пенсов... Каким образом можно восемьдесят фунтов разделить таким образом, чтобы процент покрывал еженедельные расходы этого человека?» [Амос Бартон 1860: 437–438]⁷.

Характерно, что Элиот также пользуется приемом движения от описания внешней, ритуальной стороны церковной жизни к изображению самых неприглядных, бытовых ее сторон. Повесть открывается картиной пышного убранства Шеппертонской церкви, но уже в перечисление «высоких и симметричных окон», «удобных и красивых скамей» и «почтительно» открывающихся дверей закрадывается снижающий общий пафос диссонанс – стены церкви, как попутно замечает Элиот, «белы, как десятилетняя, ежедневно подвергающаяся действию мыла лысина его преподобия Амоса Бартона» (435).

Вслед за описанием храма Элиот, по свойственной ей традиции, знакомит читателя с мнениями рядовых обитателей деревни: в данном случае это также «внешний» взгляд на жизнь священника, который кажется селянам «человеком вовсе не порядочным» и не способным как следует прочесть проповедь – «бьется, словно овца, которая упала и не может встать на ноги» (441). И наконец, в стиле опытного публициста Элиот предлагает читателям проследить путь бедного священника к своему дому («Взгляните на него, как он пробирается через маленькое кладбище...») (446)) – и этим путем последовательно вводит читателя в быт героя, в его дом, где жена, соблюдая строжайшую экономию, не зажигает в темноте свечи и сидит, глядя «со вздохом на кучу еще не заштопанных больших и маленьких чулок, сложенную на столе» (там же).

Почти все действие короткой повести Элиот происходит именно в доме священника. Опустевшие, залитые «резким дневным светом» (491) комнаты описываются и после возвращения Бартона с похорон своей жены, что еще сильнее подчеркивает его одиночество. Эта символическая передача тяжелой и одинокой судьбы священнослужителя через изображение его дома используется и Лесковым. В седьмой главе «Мелочей...» он также описывает дом архиерея, который, что парадоксально, не выполняет своего основного назначения – не дает *приюта*, а только усиливает одинокое, отчужденное существование священнослужителей высшего сана, дополнительно отягощенное тем, что архиереи в православии происходят из черного духовенства и не могут иметь семьи.

«Кто хоть раз бывал в архиерейском доме, тот знает, как там все нелюдимо, дико и как-то бесприютно, – пишет Лесков, – и кто видал много владычных домов, тот знает, что нелюдимость и бесприютность – это неотъемлемое качество сих жилищ; а всякое жилище, говорят, будто бы выражает своего хозяина. Еще одно общее архиерейским домам отличительное и притом удивительное свойство, это необъяснимый запах *старыми фортепианами*, который очень легко чувствовать, но причину его отгадать трудно, ибо фортепиан в архиерейских домах не бывает, но этот *скудный запах* там есть, точно в зале старого нежилого помещичьего дома, где заперты фортепианы, на которых никто не играет» (6, 447) (курсив наш. – И.Г.). «Фортепианы, на которых никто не играет» становятся еще одной прозрачной аллегорией положения священника в русском обществе, а эпитет «нежилой» усиливает авторское и читательское сочувствие к индивидуальной судьбе каждого из описываемых Лесковым владык.

Таким образом, в современной Лескову английской прозе уже были заложены две традиции изображения священнослужителя. Одна, сатирико-психологическая, была представлена в цикле романов Троллопа, другую, психолого-драматическую, актуализировала в своих первых повестях Джордж Элиот. Лесков использует обе, искусно соединяя тонкую сатиру на архиереев-самодуров с глубоким сочувствием к самым человеческим из владык и подлинным драматизмом в рассказе о быте и общественном положении священнослужителей.

Но помимо использования литературных традиций, русский писатель включает в «Мелочи архиерейской жизни» и свои представления об английском менталитете и культурных традициях Великобритании. Об этом свидетельствует третья глава цикла, в которой Лесков описывает неожиданное столкновение архиерея Варлаама с обрусевшим англичанином Шкоттом, который работал в России управляющим имениями. Англичанин не терпит грубого обращения владыки («Чего молчишь, старик?» (6, 422)) и дает ему достойный отпор: «А ты чего кричишь, старик?» (6, 422). Неприятная ситуация заканчивается, как подлинный анекдот: архиерей подходит к Шкотту, пожимает ему руку со словами «Я очень уважаю английскую нацию» (6, 423) и затем приглашает его к себе в гости, где герои становятся настоящими приятелями.

Но помимо использования литературных традиций, русский писатель включает в «Мелочи архиерейской жизни» и свои представления об английском менталитете и культурных традициях Великобритании. Об этом свидетельствует третья глава цикла, в которой Лесков описывает неожиданное столкновение архиерея Варлаама с обрусевшим англичанином Шкоттом, который работал в России управляющим имениями. Англичанин не терпит грубого обращения владыки («Чего молчишь, старик?» (6, 422)) и дает ему достойный отпор: «А ты чего кричишь, старик?» (6, 422). Неприятная ситуация заканчивается, как подлинный анекдот: архиерей подходит к Шкотту, пожимает ему руку со словами «Я очень уважаю английскую нацию» (6, 423) и затем приглашает его к себе в гости, где герои становятся настоящими приятелями.

В финале главы Лесков делает полушутливое предложение о том, что «его преосвященство имел несколько высокий для русского человека идеал гражданского общества, и потому-то именно он и раздражался презренным низкопоклонством и лестью окружающих» (6, 424). Однако если вспомнить об «англофильстве» Лескова, это предположение утрачивает свой иронический характер. Столь же открытым мнением писателя можно считать и его саркастическое упоминание о протестантизме в размышлениях о том, почему русскому архиерею не дана свобода

передвижения: «Положим, что наше облагодатствованное духовенство невозможно ставить на одну доску с какими-нибудь совсем безблагодатными протестантскими пасторами, которые ходят повсюду, куда можно ходить частному человеку...» (6, 446). Многие исследователи указывают на «глубокие симпатии» Лескова «к протестантской теологии и культуре» [Макарова 2006: 272], в том числе англиканской.

Неслучайна в этом смысле и короткая история молодой англичанки мисс Сп-нг, которую причащавший ее в России сельский священник записал «православною», в связи с чем ее родным впоследствии пришлось прибегать к ухищрениям, чтобы «переписать оправославленную невесту снова в ее прежний еретический англиканизм» (6, 421). Если учесть также очень конкретные и настойчивые упоминания в тексте очерков произведений Вальтера Скотта и Диккенса, можно сделать вывод о том, что «Мелочи архиерейской жизни» Лескова включают очень мощный английский контекст, как явный, так и скрытый, связанный с использованием традиций современной писателю английской литературы.

Открытия, сделанные Джордж Элиот и Энтони Троллопом, помогли Лескову показать совершенно новый для русской словесности образ священнослужителя, с его страданиями и одиночеством, милыми странностями и чудачествами, но главное – с его болью за собственную отчужденность и «ненужность» русскому обществу. Активно пользуясь поэтическим инструментарием англичан для сатирического и драматического изображения человека, Лесков дает предельно неритуальное, обыденное изображение героев, которые до этого были неизвестны русскому читателю. Но целью автора в данном случае является вовсе не бытописание: обнажая самые неприглядные стороны «клировой жизни», Лесков жаждет вернуть священнослужителям уважение, почет и *понимание* со стороны прихожан, наладить свободный диалог между духовенством и обществом. Помощь в решении этой задачи и оказывает писателю английская литература и культура.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-34-01240.

² В дальнейшем ссылки на собрание сочинений Н. С. Лескова 1956–1958 гг. даются в круглых скобках с указанием тома и номера страницы.

³ Примечательно, что главный герой «Соборян» протопоп Савелий Туберозов читает в 1857 г. запрещенную газету «Колокол», издаваемую

Герценом как приложение к «Полярной звезде» [Лесков 2012, 11: 58].

⁴ В. Н. Азбукин, например, указывает: «Огромное влияние на развитие антиклерикальной литературы оказало “Письмо к Гоголю” Белинского, впервые частично опубликованное в легальной печати в 1872 г. ... Атеистические идеи Белинского, воспринятые в первую очередь революционными демократами, вместе с тем нашли непосредственный отклик в художественной беллетристике 60–70-х гг.» [Азбукин 1962: 5–6].

⁵ Ср. начало романа О. Голдсмита: «Мы гуляли по окрестностям или находили себе занятие дома, навещали богатых соседей, помогали бедным; ни о каких переменах не помышляли, тягостных забот не ведали, и все наши приключения совершались подле камина, а путешествия ограничивались переселением из летних спален в зимние, и из зимних – в летние» [Голдсмит 1959: 26]. То, что Лесков был знаком с «Векфильдским священником», подтверждает наличие в его личной библиотеке русского издания романа Голдсмита 1846 г. (см.: [Дмитрюхина 2010: 259]), а также упоминания «Векфильдского священника» в творчестве Лескова; например, в повести «Детские годы» молодой герой «с величайшим удовольствием» читает этот роман Голдсмита, подаренный ему «предметом его любви» (5, 307).

⁶ В дальнейшем все ссылки на издание Троллопа (2010) даются с указанием страницы в круглых скобках.

⁷ В дальнейшем все ссылки на издание «Амос Бартон» (1860) даются с указанием страницы в круглых скобках.

Список литературы

Азбукин В.Н. Антиклерикальная сатира Н. С. Лескова конца 70-х – начала 80-х годов XIX в. («Мелочи архиерейской жизни» и «Заметки неизвестного»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1962. 14 с.

Амос Бартон. Повесть Джорджа Эллиота // Русский вестник. 1860. Т. 27. С. 435–498.

Аннинский Л.А. «Русский космос» Николая Лескова // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1993. Т. 7. С. 5–74.

Белинский В.Г. Письмо к Н. В. Гоголю от 15/3 июля 1847 г. // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 500–510.

Бячкова В.А. Образ священнослужителей в романах «Барчестерского цикла» Э. Троллопа и «Соборянах» Н. С. Лескова // Филология и культура. 2013. № 3 (32). С. 80–84.

Голдсмит О. Векфильдский священник. М., 1959. 231 с.

Дмитрюхина Л. В. Мазина Е. В. Из истории формирования фонда №2 “Н. С. Лесков” в коллекции Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева // Н. С. Лесков в пространстве современной филологической мысли. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 224–365.

Лихачев Д. С. Два русла русской культуры. URL: http://likhachev.lfond.spb.ru/articl100/Russia/2_rusla.pdf (дата обращения: 14.11.2014).

Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М., 1996–2012.

Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. М., 1956–1958.

Лукьянчикова Н. В. Трансформация агиографической традиции в произведениях Н. С. Лескова о «праведниках»: дисс. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2004. 169 с.

Макарова Е. А. «Сентиментальное путешествие» Н. С. Лескова (Карамзинская традиция в творчестве писателя) // Карамзин и время. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. С. 257–277.

Малиночка Л. Н. Образы священнослужителей в прозе Н. С. Лескова и А. П. Чехова (Н. С. Лесков «Мелочи архиерейской жизни», А. П. Чехов «Степь») // Святоотеческие традиции в русской литературе. Омск, 2008. Вып. 4. С. 150–156.

Минеева И. Н. Эффект левизны, или отношения Н. С. Лескова с Англией // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. Петрозаводск, 2014. № 7 (144). С. 70–75.

Новикова А. А. Религиозно-нравственные искания в творчестве Н. С. Лескова 1880-х – 1890-х годов: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 493 с.

Овчинникова И. В. Стернианские «отражения» и их функция в романе-хронике Н. С. Лескова «Соборяне»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 19 с.

Першина М. А. Англоязычная литература как текст-прецедент в произведениях Н. С. Лескова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киров, 2013. 24 с.

Розов А. Н. Сельский священник в духовной жизни русского крестьянства второй половины XIX – начала XX вв.: дисс. ... д-ра культурол. наук. СПб., 2003. 338 с.

Сказки: кн. 3. М.: Сов. Россия, 1989. 642 с. (Библиотека русского фольклора. Т. 2).

Троллоп А. Барчестерские башни. М., 2010. 509 с.

Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1991. URL: <http://www.vehi.net/fedotov/svyatyue/> (дата обращения: 14.11.2014).

The George Eliot letters: 9 vol. New Haven and London: Yale UP, 1954–1978. Vol. II. 1954. 513 p.

References

Azbukin V.N. Antiklerikal'naya satira N.S. Leskova kontsa 70-kh – nachala 80-kh godov XIX v. (“Melochi arkhieyskoy zhizni” i “Zametki neizvestnogo”): Avtoref. dis. kand. filol. nauk [N.S. Leskov’s anticlerical satire of the late 1870s – early 1880s (“Trifles from the Life of Archbishops” and “Notes of a Stranger”). Synopsis of Cand. philol. sci. Diss.]. Tomsk, 1962. 14 p.

Barton A. Povesť Dzhordzha Eliota [The tale by George Eliot]. Russkiy vestnik [Russian Herald]. 1860. Vol. 27. P. 435–498.

Anninsky L.A. “Russkiy kosmos” Nikolaya Leskova [“Russian cosmos” of Nikolai Leskov]. Leskov N.S. Sbranie sochineniy: v 6 t. [Collected works in 6 vol.]. Moscow, 1993. Vol. 7. P. 5–74.

Belinsky V.G. Pis'mo k N. V. Gogolyu ot 15/3 iyulya 1847 g. [A letter to N.V. Gogol under date of July 15/3, 1847]. Gogol N.V. Polnoe sbranie sochineniy: v 14 t. [Complete works in 14 vol.]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1952. Vol. 8. P. 500–510.

Byachkova V.A. Obraz svyashhennosluzhitelei v romanakh “Barchesterskogo tsikla” Eh. Trollopa i “Soboryanakh” N. S. Leskova [Representation of the clergy in the “Chronicles of Barchestershire” by A. Trollope and “The Cathedral Clergy” by N.S. Leskov]. Filologiya i kul'tura [Philology and Culture]. 2013. Iss. 3 (32). P. 80–84.

Goldsmith O. Vekfil'dskiy svyashchennik [The Vicar of Wakefield]. Translated from English by T.M. Litvinova. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. litry, 1959. 231 p.

Dmitryukhina L.V., Mazina E.V. Iz istorii formirovaniya fonda №2 “N.S. Leskov” v kollektzii Orlovskogo ob"edinennogo gosudarstvennogo literaturnogo muzeya I. S. Turgeneva [On the formation of Fund no. 2 “N. Leskov” in the collection of Oryol United State Literature Museum of I.S. Turgenev]. N.S. Leskov v prostranstve sovremennoy filologicheskoy mysli [N.S. Leskov in the light of current philological thought]. Moscow: IWL RAS Publ., 2010. P. 224–365.

Likhachev D.S. Dva rusla russkoy kul'tury [Two courses of Russian culture]. Available at: http://likhachev.lfond.spb.ru/articl100/Russia/2_rusla.pdf. (accessed: 14.11.2014).

Leskov N.S. Polnoe sbranie sochineniy: v 30 t. [Complete works in 30 vol.]. Moscow, 1996–2012.

Leskov N.S. Sobranie sochineniy: v 11 t. [Collected works in 11 vol.]. Moscow, 1956–1958.

Luk'yanchikova N.V. Transformatsiya agiograficheskoy traditsii v proizvedeniyakh N.S. Leskova o “pravednikakh”: Dis. kand. filol. nauk [Transformation of hagiographic tradition in the works about the “righteous” by Nikolai Leskov. Cand. philol. sci. Diss.]. Yaroslavl, 2004. 169 p.

Makarova E.A. “Sentimental'noe puteshestvie” N.S. Leskova (Karamzinskaya traditsiya v tvorchestve pisatelya) [N.S. Leskov's “sentimental journey” (Karamzin's tradition in the writer's works)]. Karamzin i vremya [Karamzin and Time]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2006. P. 257–277.

Malinochka L.N. Obrazy svyashchennosluzhiteley v proze N. S. Leskova i A.P. Chekhova (N. S. Leskov “Melochi arkhiereyskoy zhizni”, A.P. Chekhov “Step”) [Representation of the clergy in prose by N.S. Leskov and A.P. Chekhov (N.S. Leskov “Trifles from the Life of Archbishops” and A. Chekhov “The Steppe”). Svyatootecheskie traditsii v russkoy literature [Patristic traditions in Russian literature]. Omsk: Omsk State University Publ., 2008. Iss. 4. P. 150–156.

Mineeva I.N. Effekt levizny, ili otnosheniya N. S. Leskova s Angliyei [The effect of leftism, or relationship between N.S. Leskov and England]. Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki [Proceedings of Petrozavodsk State University: Social Sciences and Humanities. 2014. Iss. 7 (144). P. 70–75.

Novikova A.A. Religiozno-nravstvennye iskaniya v tvorchestve N.S. Leskova 1880-kh – 1890-kh

godov: Dis. d-ra filol. nauk [Religious and moral strivings in Nikolai Leskov's works of 1880s–1890s. Dr. philol. sci. Diss.]. Moscow, 2003. 493 p.

Ovchinnikova I.V. Sternianskie “otrazheniya” i ikh funktsiya v romane-khronike N.S. Leskova “Soboryane”: Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Sterne's “reflections” and their function in N.S. Leskov's novel-chronicle “The Cathedral Clergy”. Synopsis of Cand. philol. sci. Diss.]. Voronezh, 2013. 19 p.

Pershina M.A. Angloyazychnaya literature kak tekst-pretседent v proizvedeniyakh N.S. Leskova: Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Literature in English as the precedent text in works by Nikolai Leskov. Synopsis of Cand. philol. sci. Diss.]. Kirov, 2013. 24 p.

Rozov A.N. Sel'skiy svyashchennik v dukhovnoy zhizni russkogo krest'yanstva vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. Dis. d-ra kul'turolog. nauk [The village priest in the spiritual life of Russian peasantry in the second half of the 19th – early 20th century. Dr. cult. sci. Diss.]. St. Petersburg, 2003. 338 p.

Skazki: Kniga 3 [Fairy Tales. Book 3]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1989. 642 p.

Trollope A. Barchesterskie bashni [Barchester Towers]. Translated from English by I.G. Gurova. Moscow: AST Publ., 2010. 509 p.

Fedotov G.P. Svyatyie Drevney Rusi [Saints of Kievan Rus]. Available at: <http://www.vehi.net/fedotov/svyatyie/> (accessed 14.11.2014).

The George Eliot letters: 9 volumes. New Haven and London: Yale UP, 1954–1978. Vol. II. 513 p.

N. S. LESKOV'S «TRIFLES FROM THE LIFE OF ARCHBISHOPS» IN THE CONTEXT OF ENGLISH LITERATURE ABOUT CLERICAL LIFE (GEORGE ELIOT AND ANTHONY TROLLOPE)

Irina F. Gnyusova

Associate Professor in the Department of Literary Criticism, Publishing and Editing
National Research Tomsk State University

The paper attempts to prove that while creating his works about clergymen's life N. S. Leskov leans on the traditions of contemporary English literature, specifically, George Eliot's and Antony Trollope's «clerical» series. In his «Trifles from the Life of Archbishops», Leskov combines the satirical-psychological tradition of Trollope's «The Chronicles of Barsetshire» with the psychological-dramatic tradition of George Eliot's «Scenes of Clerical Life». Using poetic tools and devices typical of English authors, Leskov provides the non-ritual, trivial representation of his characters, skillfully combining subtle satire with deep sympathy for clergymen and genuinely dramatic description of their private life and social status. Revealing the most unsightly aspects of «clerical life», Leskov aims to help priests regain esteem and understanding from their congregations, establish an open dialogue between the clergy and society.

Key words: N. S. Leskov; George Eliot; Anthony Trollope; tradition; clergyman; character; sketch story; type of narrative.